

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПИСЬМЕННЫЕ
ПАМЯТНИКИ
ВОСТОКА

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Ежегодник

1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1982

В. С. Фотьева

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧНОСТИ ВАДДАХА АЛ-ЙАМАНА

Еще в XIX в. внимание арабистов было привлечено изящными лирическими стихами и трагической судьбой Ваддаха ал-Йамана, поэта-йеменца, жившего, согласно традиции, на рубеже VII-VIII вв. Так, уже А.Кремер знакомит нас с одной из сложившихся о Ваддахе легенд и дает перевод одного из стихотворений поэта¹. Не упускает случая рассказать о нем и А.Мюллер². Найти для Ваддаха место среди других поэтов омейядского периода впервые пытается П.Шварц. В исследовании, посвященном 'Умару ибн Абū Рабī'а /655-712 (или 719)/, виднейшему представителю арабской любовной лирики этого периода, П.Шварц высказал предположение, что это направление поэзии корнями своими уходит не столько в древнеарабскую поэзию, сколько в любовную лирику, культивировавшуюся в южной Аравии, куда, по его мнению, она могла быть занесена из Ирана. Роль же проводника персидской литературной традиции и мог выполнить йеменец Ваддах. Свое предположение П.Шварц основывает, с одной стороны, на том, что Ваддах вел, якобы, свое происхождение от "ал-абнā" - потомков персидских солдат полководца Вахриза, обосновавшихся в свое время в Йемене, а с другой - на том, что он видит в одном стихотворении Ваддаха, написанном в форме тенцоны, которая была хорошо известна в персидской поэзии сасанидского периода, но не встречалась до того в арабской поэзии, случай раннего заимствования этой поэтической формы из персидской литературы³.

Систематически Ваддахом ал-Йаманом занимался советский арабист В.А.Эберман, однако смерть помешала ему закончить исследование. В своем отношении к Ваддаху В.А.Эберман придерживался, по-видимому, того же мнения, что и П.Шварц⁴.

С резкой критикой изложенного взгляда на Ваддаха выступил современный египетский литературовед и критик Т.Хусайн. В специальной статье, посвященной этому поэту, он пишет, обращаясь к читателю: "Я хочу рассказать тебе о поэте, которого называют Ваддах ал-Йаман и которым настолько сведены с ума некоторые современные профессора литературы, что им представилось, будто он создал драматическую поэзию (ши'р тамсйли) и добавил ее к нашему древнему литературному наследию... , потому что в одном из его стихотворений имеется диалог (живār)... они забыли, что диалог - не драма, а только одна из основ драмы, точно так же, как они забыли, что диалог, который они находят в стихах Ваддаха... уже был и прежде у всех поэтов и доисламских и мусульманских... Что бы там ни было, нам не трудно опровергнуть современных профессоров, которые приписывают Ваддаху ал-Йаману открытие поэтической драмы (тамсйл ши'рй), и показать, что источник этого утверждения заключается в том, что эти профессора не знают, что такое драма, с одной стороны, а с другой - хотят добавить к арабской литературе то, что в ней уже есть, и то, чего в ней нет, пока не станет очевидным превосходство греческой или европейской литературы перед нашей арабской литературой."

Невежество, с одной стороны, и самообольщение с другой – вот что породило эту нелепую мысль у некоторых наших литературоведов⁵.

Отбросив соображения о форме, в которой Т.Хусайн высказал свое суждение, рассмотрим вопрос по существу.

Прежде всего, что имеет в виду Т.Хусайн, употребляя такие понятия, как "драматическая поэзия" и "поэтическая драма"? Ответ на этот вопрос мы находим уже в самом названии его ранней книги переводов греческих трагиков Эсхила и Софокла на арабский язык: "Избранные страницы драматической поэзии у греков"⁶ (выделено нами. – В.Ф.). Такой контекст позволяет думать, что и в нашем случае под "драматической поэзией" (ши'р тамсйли), равно как и под "поэтической драмой" (тамсйил ши'ри) Т.Хусайн имеет в виду драматические произведения, написанные стихами. Как видно из приведенного выше высказывания, он отрицает существование у арабов стихотворных драматических произведений как в доисламский период, так и в омейядский и резко выступает против своих коллег арабистов, которые, якобы, приписывают Ваддāху ал-Йаману создание этой литературной формы. А между тем, не названные им П.Шварц и В.А.Эберман ничего подобного и не утверждали. Они писали о тенционе среди стихотворений Ваддаха, а тенциона не имеет ничего общего ни с драматической поэзией, ни с поэтической драмой. Тенциона как поэтическая форма хорошо известна в мировой литературе. Термин "тенциона" тоже достаточно известен в литературоведении и имеет прекрасный арабский эквивалент – мунāзарa, и можно только удивляться тому, что Т.Хусайн им не воспользовался. Вместе с тем, Т.Хусайн абсолютно прав, говоря, что диалог мы находим в стихах поэтов и мусульманских и доисламских, но ведь никто этого и не отрицал. Диалог действительно был в арабской поэзии задолго до Ваддāха ал-Йамана, но диалог (хивār) – это еще не тенциона (мунāзарa), а тенциону в арабской поэзии впервые мы встречаем все же среди стихотворений Ваддāха ал-Йамана.

Далее Т.Хусайн пишет: "Что является действительно трудным в отношении этого поэта, так это решить, существовал он или нет, произносил он эти стихи или нет, случилось ли с ним то, что сообщается о нем, или нет. Вопросы трудные, однако решение их не невозможно"⁷. Затем он делает беглый анализ сведений о поэте и его стихотворений, содержащихся в "Книге песен" ("Китāб ал-агāни") филолога X в. Абū-л-Фараджа ал-Исбахāни (ум. 967)⁸, и приходит к выводу, что все стихи Ваддāха – поздняя подделка, сам же он романтический герой, никогда не существовавший как историческая личность. Причину этой подделки и создания Ваддāха ал-Йамана Т.Хусайн видит в племенной вражде между северными и южными арабскими племенами. "Йеменцы выдумали и Ваддāха и его стихи, – пишет он, – чтобы не говорили, что они не имели ни одного лирического поэта во времена ислама"⁹.

Вслед за Т.Хусайном и К.Брокельман, в конце концов, тоже склонен смотреть на Ваддāха ал-Йамана как на романтического героя. "Но в таком случае, – говорит он, – исчезает всякая возможность считать его предполагаемым посредником в передаче арабам персидского искусства". Однако он приводит все же краткую биографию поэта¹⁰.

Намечается, таким образом, как бы два полюса в отношении арабистов к Ваддāху ал-Йаману: на одном из них – П.Шварц и В.А.Эберман, не только не сомневающиеся в историчности поэта, но и склонные предположить за ним особую роль в арабской литературе, а именно роль проводника в ней персидской литературной традиции; на другом – Т.Хусайн, считающий и самого Ваддāха и все стихи, передаваемые "Книгой песен" как ему принадлежащие, позднейшим вымыслом.

Следует заметить, что гиперкритичность Т.Хусайна нам хорошо известна по его работе, посвященной древнеарабской поэзии, где он с такой же решительностью зачеркивает замечательные творения арабских поэтов до-

исламского периода, объявляя их все позднейшей подделкой¹¹. Этот взгляд Т.Хусайна на доисламскую поэзию не вызвал сочувствия у ученых-арабистов, хотя едва ли кто-нибудь из них сомневался в том, что часть произведений этой поэзии подложна¹². Правда, год спустя Т.Хусайн несколько смягчил свои выводы¹³, а еще позднее не только признал подлинность древнеарабской поэзии, но и выразил восхищение такими поэтами, как Лабид Раби'а, Тарафа ибн ал-'Абд, Зухайр ибн Абү Сулмā¹⁴. Вывод Т.Хусайна относительно Ваддāха ал-Йамана нам тоже представляется недостаточно обоснованным.

Для выяснения историчности Ваддāха ал-Йамана необходим анализ не только связанных с его именем стихотворений, но и содержащихся в источниках сведений о нем самом.

Время жизни Ваддāха, если исходить все же из того, что он существовал, так как, по справедливому высказыванию В.А.Эбермана, "не только положительная, но и отрицательная научная критика должна основываться на доказательствах"¹⁵, совпадает с временем жизни таких поэтов, как Кусаййир, 'Убайдаллāх ибн Қайс ар-Руқаййāt, а его трагический конец арабская литературная традиция связывает с именем Омейядского халифа ал-Валида ибн 'Абд ал-Малика. Правление ал-Валида I (705-715) было ознаменовано вторым этапом арабских завоеваний. Эти завоевания велись в трех направлениях: на восток, север (по отношению к Дамаску, резиденции халифа) и запад. На востоке под предводительством кайситов¹⁶ Кутайбы ибн Муслима и Мухаммада ибн Қāsима брались один за другим города Средней Азии и Индии, вплоть до границ с Китаем. На севере, где во главе армий стояли брат халифа Маслама и сын халифа ал-'Аббās, велись походы в основном против Византии. На западе под командованием йеменца Мўсы ибн Нусайра шло завоевание Северной Африки, до берегов Атлантического океана, и Испании.

В этот период еще строго проводилась выработанная 'Абд ал-Маликом, отцом ал-Валида, политика равновесия по отношению к северным и южным арабским племенам, благодаря чему его правление было таким прочным. И когда соправитель халифа на востоке страны, ал-Хаджжāдж ибн Йўсуф, сам по происхождению кайсит, постарался, не питая симпатии к южанам, все ответственные посты как в городах, так и в действующей армии предоставить северянам, 'Абд ал-Малик, понимая всю опасность такого предпочтения, командование на западном фронте и наместничество в Африке отдал южанам. В войсках восточного фронта преобладали северяне, тогда как в войсках западного - южане, йеменцы. Что касается северного фронта, то их соотношение там нам неизвестно.

Естественно, что при таком разграничении сфер деятельности и более или менее равномерном распределении добычи не было особенных оснований для возникновения межплеменных распрей. Дальнейший ход событий показал, что нарушение этого принципа равновесия оказалось губительным для династии Омейядов. Вновь вспыхнувшая древняя вражда, а вслед за нею восстания шиитов и хариджитов привели не только к падению династии, но и к потере многих завоеванных территорий. Но это все началось позже, уже после смерти ал-Валида ибн 'Абд ал-Малика.

Халиф ал-Валид I был не только искусным политиком, и его деятельность не ограничивалась завоеваниями. С его именем история связывает постройку многих великолепных зданий, мечетей, фонтанов, основание больниц и школ. К его роскошному двору в Дамаске приезжали выдающиеся поэты, чтобы здесь, перед халифом, воспеть воинскую доблесть своих соплеменников или прославить владыку в блестящих стихах и получить заслуженную награду. Так и Ваддāх ал-Йаман появился при дворе халифа. Однако рассмотрим все по порядку.

Абу-л-Фарадж ал-Исбахāни приводит в своей "Книге песен" 29 приписываемых Ваддāху традицией стихотворений и сообщает сведения, связанные с биографией поэта¹⁷. Об имени Ваддāха ал-Исбахāни говорит: "Ваддāх – прозвище поэта, имя же его – 'Абдаррахмāн ибн Исмā'йл ибн 'Абд Кулāл ибн Дāз ибн Абу Джамад"¹⁸. Затем он приводит две версии происхождения Ваддāха. Одну из них выдвигают знаменитый историк, живший на рубеже VIII – IX вв. Хишām ибн ал-Калбī (ум. 819) и филолог VIII–IX вв. Абу 'Убайда Ма'мар ибн ал-Мусаннā (728–825). Они утверждают, что поэт вел свое происхождение от персов, которые в 575 г. во главе с полководцем Вахризом пришли в Йемен, когда потомок химйаритских царей Сайф ибн Зў Йазан попросил у Ирана помощи против вторгшихся в Йемен христиан-абиссинцев¹⁹. Эту версию поддерживает также историк XV в. ал-'Айнī (ум. 1451). В своем произведении "Жемчужное ожерелье об истории времени" ("Икд ал-джумāн фī та'рих аз-замāн") он передает со слов некоего Баха ибн Хакīма следующее: "Ваддāх ал-Йаман – а имя его 'Абдаллāх ибн Исмā'йл ибн 'Абд Кулāл – был из жителей Сана, из персов, ал-абнā. А другие говорят, что имя его 'Абдаррахмāн ибн Исмā'йл ибн Хаулāн, а Ваддāх – его прозвище"²⁰.

Другая версия принадлежит ученому VIII в. Хāлиду ибн Кулсўму ал-Калбī. Согласно ей, Ваддāх принадлежит к южноарабскому роду Хаулāна ибн 'Амра химйарита. Со слов того же ученого в "Книге песен" передается легенда о происхождении поэта. Эта легенда рассказывает, что отцом его был Исмā'йл ибн Дāз ибн Абу Джамад из рода Хаулāна ибн 'Амра ибн Му'авии химйарита²¹. Но Исмā'йл умер, когда его сын был еще малым ребенком, и мать мальчика, переехав после смерти мужа в свою семью, вскоре вышла замуж за человека из своего рода, перса по происхождению. Юношеского возраста поэт достиг, находясь на попечении отчима. Тогда приехал его дядя по отцу и бабушка, мать его отца, с домочадцами – химйаритами из рода Зў Джадан, чтобы взять юношу к себе. Муж его матери старался доказать, что он его сын, но приехавшие стали с ним судиться. В конце концов было доказано, что родился он под кровом Исмā'йла ибн 'Абд Кулāла и является его сыном, и судья при собравшихся ради этого химйаритах и персах присудил юношу родственникам отца. Затем он взглянул на него и, будучи поражен его необычайной красотой, сказал: "Иди! Ты Ваддāх ал-Йаман, а не из последователей Зў Йазана", разумея под этим персов, которых привел себе на помощь Ибн Зў Йазан. "И пристало к нему с тех пор это прозвище, – говорит Хāлид ибн Кулсўм, – и стали его все звать "Ваддāх ал-Йаман"²².

"Книга песен" сообщает, что юноша был так хорош собой, что на празднествах арабов появлялся под покрывалом из боязни дурного глаза и женщин²³. Если это так, то естественно предположить, что и прозвище свое "Ваддāх" он получил гораздо раньше – ведь судья не был первым, кто заметил его необычайную красоту, и эта боязнь дурного глаза, очевидно, сопровождала юношу с детства. Что же касается судьи, то он, по-видимому, уже к имевшемуся прозвищу добавил "ал-Йаман", желая этим только подчеркнуть его арабское происхождение. Решение суда и все его подробности, конечно, моментально распространились среди жителей Сана, и они стали называть юношу уже не просто "Ваддāх", а "Ваддāх ал-Йаман".

Достоверность приведенной легенды в той ее части, где говорится, что отцом Ваддāха был Исмā'йл ибн 'Абд Кулāл, подтверждается следующим стихом поэта:

"Основали мне прочную славу Исмā'йл,
а также 'Абд Кулāл и Абу Джамад"²⁴.

Подкрепляя версию об арабском происхождении Ваддāха, Хāлид ибн Кулсўм говорит: "Мать Исмā'йла, отца Ваддāха, была дочерью Зў Джа-

дана, мать же отца последнего была дочерью Фур'ана ибн Зӯ-д-Дурӯ'а, киндита из потомков Хәриса ибн 'Амра²⁵.

В другом месте "Книги песен", также со слов Хәлида ибн Кулсӯма, говорится, что мать Дәза ибн Абӯ Джамада, прапрабабушка Ваддәха, тоже была киндиткой. При этом Хәлид ибн Кулсӯм ссылается на одно стихотворение Ваддәха, однако места, где бы говорилось именно об этой пра-родительнице поэта, не приводит, а дает лишь начало стихотворения, в котором воспеваются, якобы, двоюродные сестры поэта с отцовской стороны:

- (1) "Привязалось сердце мое к женщинам белошеким,
матери которых по происхождению не
ниже отцов:
- (2) Из дочерей славного Дәза, в племени
Кинда они ведут свой род от недопус-
кающих проклятья"²⁶.

Традиция сообщает, что по поводу происхождения Ваддәха возник од-нажды спор между Хәлидом ибн Кулсӯмом и Абӯ 'Убайдой Ма'маром ибн ал-Мусанной. "Книга песен" приводит его со слов Хәлида ибн Кулсӯма: "Абӯ 'Убайда сказал: "Дәз - имя персидское", а я возразил: "Абд Куләл - имя йеменское, а Абӯ Джамад - йеменская кунья²⁷, персы же куний не дают. В Йемене некоторые люди носят имя Абраха, а это имя абиссинское, - так тебе следует считать их абиссинцами? Что же из того, что араб носит персидское имя? Не всякий, кто имеет кунью Абӯ Бакр, - ас-Сиддйк, как и не всякий, кто носит имя 'Умар, - ал-Фәрӯк²⁸. Имена - это только метки и знаки, которые не обязательно вызваны происхождением, но которые и не устраняют его". И умолк Абӯ 'Убайда, говорит Хәлид ибн Кулсӯм, будучи вынужденным замолчать, и ничего не ответил"²⁹.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что отец Ваддәха, Исма'йль ибн 'Абд Куләл ибн Дәз ибн Абӯ Джамад, был арабом знатного происхождения, причем его предки по мужской линии принадлежали к древнему южноарабскому племени Химйар, а по женской линии - к знаменитому южноарабскому племени Кинда и тоже к Химйару, так как его мать была дочерью Зӯ Джадана, а это был один из химйарских царей, о котором, кстати, традиция сообщает, что он был первым, кто пел в Йемене³⁰. Что касается матери поэта, то на основании приведенных данных можно заключить, что она была персиянкой, так как в них говорится, что после смерти Исма'йла она вышла замуж за человека из своего рода, перса по происхождению.

Однако дальше Абӯ-л-Фарадж сообщает со слов историка 1X в. ал-'Ут-бий (ум. 843), что во время своего пребывания в Дамаске у Умм ал-Банйн, жены халифа ал-Валйда (!), Ваддәх получил письмо с известием о смерти брата и отца³¹. В "Книге песен" приводится также и элегия, написанная Ваддәхом по этому поводу. В ней есть такие строки:

- (12) "Самым горестным, чем я поражен,
является письмо, пришедшее из да-
лекой лошаины.
- (13) Оно сообщает о смерти брата, но терпение!
Приготовься и сам к обещанному Всеблагим,
который исполняет свои обещания.
-
- (19) Неужели же после героя народа твоего,
могущественного Абӯ-л-Ваддәха, сши-
вателя того, что разорвано,
- (20) И после 'Убайды, хвалимого среди них,
после Самә'и, матерого верблюда,

- (21) После Ибн ал-Муфаддала и Ибн Кāфа –
оба они были твоими братьями в сла-
вное время –
- (22) Ты еще надеешься приятно пожить,
в то время как сам ты стоишь пе-
ред тем, что стремится тебя настичь.
- (23) Мир, в котором ты пребываешь,
непрерывно разлучает брата с братом”³².

Кто разумеется здесь под Абӯ-л-Ваддāхом³³? Конечно, если считать, что это отец Ваддāха, как это делает вслед за ал-‘Утбī Т.Хусайн³⁴, то становится недостоверным рассказ о ранней смерти его отца, а вместе с тем и о персидском происхождении его матери. Но почему обязательно отец? Ведь ал-‘Утбī знает не больше нашего: достаточно обратить внимание на его сообщение о том, что Ваддāх остановился у Умм ал-Банīн, чтобы понять, как мало можно вообще на это его сообщение полагаться. Ал-‘Утбī только комментирует стихотворение Ваддāха и комментирует его на свой страх и риск, и его вывод относительно “отца Ваддāха” сделан на основе куньи “Абӯ-л-Ваддāх”, не более. Что же касается самого поэта, то он не говорит об отце, он говорит о брате: “Оно (письмо) сообщает о смерти брата...” – **يخبر عن وفاة أخ** (стих 13-й, а еще раньше – 9й). Мы даже могли бы перевести “некоего брата”, так как слово **أخ** стоит в неопределенном состоянии, или “некоего друга”, так как оно, кроме значения “брат”, имеет еще значение “друг”. Сверх того, если бы здесь имелся в виду действительно брат поэта, он бы сказал просто “моего брата” – **أخي**, тем более, что стихотворный размер полустипхи от этого не сломался бы. Кого же поэт имеет в виду, говоря об этом “брата” или “друге”? Несколькими стихами ниже он называет имена погибших, причем первым в списке стоит Абӯ-л-Ваддāх (стих 19-й). Не логично ли предположить, что под “братом” или “другом”, о котором поэт говорит прежде всего, он имеет в виду первого в списке погибших, т.е. Абӯ-л-Ваддāха? Кто же он такой, этот “брат, друг Абӯ-л-Ваддāх”? Конечно, не отец поэта. Может быть, это его отчим? Ведь когда умер Исма‘ил, отец Ваддāха, последний был малым ребенком. Отчим вырастил его и, конечно же, привязался к своему красивому, талантливому пасынку и полюбил его как родного сына, если позже, как мы знаем, старался во что бы то ни стало доказать, что он его сын. Ваддāх, со своей стороны, тоже, по-видимому, платил ему добрыми чувствами. Что же удивительного в том, что соседи – арабы, именно арабы, так как персы куний не дают³⁵, прозвали его отчима Абӯ-л-Ваддāх? Это так естественно. А в Сана, при всей смешанности среды, арабов было безусловно больше, чем персов, и эта кунья могла утвердиться за отчимом Ваддāха. Вместе с тем сам Ваддāх после суда уже прекрасно знал, что Абӯ-л-Ваддāх ему не отец, а отчим. Как же он мог называть его в элегии, если за ним укрепилась эта кунья – ведь она почетна – и если, при всем том, он ему не отец? Очевидно, все же “Абӯ-л-Ваддāх”, но не “отец”, а “брат” или “друг”. Интересно в этой связи отметить, что в стихотворении, которое Ваддāх написал тогда же, в Дамаске, и в котором он сетует на немилость к нему халифа ал-Валида, он называет последнего тоже братом:

- (3) “Я никогда не предполагал, что настанет такая ночь,
когда я буду в одном месте, а брат мой – в другом,
и меня не будет с ним”.

И дальше:

- (7) “Скажи тому, сердцем которого овладела беда:
“Не губи брата!” – ведь у него так мало братьев”³⁶.

Если можно халифа назвать братом, то тем более можно так назвать отчима, несколько не умаляя при этом уважения, которое подобает оказывать человеку, старшему по возрасту и занимающему известное положение в обществе. Кстати, можно заметить, что само существование куньи "Абу-л-Ваддāх" лишний раз подтверждает правильность предположения о том, что прозвище "Ваддāх" поэт получил еще в детстве, так как в противном случае нужно было бы считать, что его отчим получил эту куню только после суда, а это вообще невозможно.

Что касается других названных в приведенной нами элегии имен, то Абу-л-Фарадж дает некоторые сведения только о Самāе (стих 20-й). Это брат поэта³⁷. В "Книге песен" помещено еще одно стихотворение, упоминающее это имя, и ал-Исбахāнй говорит, что оно было сочинено Ваддāхом после какой-то ссоры между братьями:

- (1) Узнаешь ли ты следы кочевья у Майсират ал-Ливā,
по дороге в Азāб³⁸, где юношеская страсть впервые заключила с тобой союз?
- (2) Да будет гладка жизнь той, любовь к которой поселилась в сердце моем, хотя сама она странствует далеко.
- (3) Спешу достичь ковра эмира и близости его,
чтобы помнили обо мне люди благородства
и рассудка.
- (4) Я внимательно слежу за рассказчиками каждый вечер,
в надежде на награду от Аллāха по числу шагов.
- (5) Вечером они во дворце, стены которого окружены водой,
а утром я уже в Сана домогаюсь щедрости.
- (6) Кто же передаст от меня Самāе, который удерживает меня:
"Что ж, если хочешь, рви с нами, как разрывается пленка,
окутывающая эмбрион".
- (7) А если хочешь уз родства без всяких хитростей,
то мы сделаем и скажем на то, чего ты желаешь, "да".
- (8) Если же ты хочешь разрыва, разлуки и удаления,
так иди, и да продлит Аллāх разлуку и удаление!³⁹

Если стать на точку зрения Т.Хусайна, то окажется решительно невозможным объяснить, зачем нужно было йеменцам фабриковать такое стихотворение, кому нужен этот Самāе, кроме самого Ваддāха, и что он может добавить к его роли лирического поэта и романтического героя. Для нас же такое стихотворение в целом – это частица жизни поэта в Сана с ее дворцами, где не так-то легко выдвинуться и получить награду за свое творчество: для этого нужно много походить, всегда быть начеку и стараться не упустить благоприятный момент, чтобы выступить или напомнить о себе. Все это больше похоже на реальность, чем на вымысел с заранее заданной целью. Упоминание же имени Самāе в двух стихотворениях, написанных в разное время, в разных местах и ситуациях, лишь помогает нам связать отдельные обрывки сведений в единую нить биографии поэта.

Многие стихотворения Ваддāха посвящены некоей Рауде. Традиция сообщает, что он любил девушку из жительниц Йемена, которую звали Раудой⁴⁰. Хишām ибн ал-Калбй говорит: "Рауда была дочерью Амра, который был из потомков Фурāна ибн Зў-д-Дурўе ал-Киндй"⁴¹. Если вспомнить сообщение Хāлида ибн Кулсума о том, что мать Исмāйла, отца Ваддāха, тоже вела свой род от Фурāна ибн Зў-д-Дурўе ал-Киндй⁴², то можно было бы сделать вывод, что Рауда эта была арабкой, родственницей Ваддāха со стороны отца. А если вспомнить при этом уже приведенные нами ранее стихи поэта, в которых он воспеваает будто бы своих двоюродных сестер с от-

цовской стороны: "Привязалось сердце мое к женщинам белошеким...", — то можно с достаточной долей уверенности сказать, что Рауда была одной из двоюродных сестер поэта с отцовской стороны.

Правда, по другим сведениям, передаваемым ал-Исбахани со слов ʿАбд-аллāха ибн ʿАббāса ал-Хамдāни, современника поэта, Рауда была персиянкой. Она увлекла Ваддāха своими чарами, и он посватался к ней. Однако ее род не согласился на этот брак. Сватовство это вызвало также укеры и со стороны его родичей⁴³. В "Книге песен" приводится стихотворение, которое, якобы, произнес поэт в ответ на их упреки:

- (1) О сердце, оставь хоть часть того, что ты испытываешь!
Ведь бывает, что сердце любит страстно,
но потом успокаивается.
- (2) Случается, что человек скрывает любовь долгое время,
и тогда, как сам он крепок, сердце его скорбит.
- (3) Чего вам бояться влюбленного юноши? —
Свела его с ума тонкостанная, нежная.
- (4) Они запугивают меня, чтобы я боялся их.
Далек тот час, когда испугается лев!⁴⁴

Нет сомнения в том, что рассказ о сватовстве Ваддāха и том сопротивлении, которое оно встретило со стороны и ее и его родственников, представляет собой не более, как комментарий к приведенному стихотворению и является тем ядром, из которого развилась в дальнейшем повесть о Ваддāхе и Рауде.

Современник Хишāма ибн ал-Калбī знаменитый филолог-фольклорист ал-Асмаʿий (ум. 828) передает со слов известного грамматика и знатока арабской метрики Халила ибн Ахмада (ум. 786-787) уже вполне сложившуюся повесть о Ваддāхе и Рауде:

"Ваддāх любил женщину из племени Кинда, которую звала Рауда. Когда же стало известным дело его с ней, он посватался, но ему не дали жениться на ней, и была она выдана замуж за другого. Прошло долгое время. Затем однажды явился к Ваддāху человек из ее местности и что-то тайно ему сообщил, отчего поэт заплакал. Товарищи его, бывшие при этом, спросили: "Отчего ты плачешь? Что случилось?". Он ответил: "Сообщил мне этот /человек/, что Рауда заболела проказой и что он видел ее уже брошенной среди прокаженных"⁴⁵.

Конец этой повести передает ученый IX в. Мусʿаб ибн ʿАбдаллāх аз-Зубайрī (ум. 850), ссылаясь на сообщения некоторых ученых из жителей Йемена, которые будто бы знали историю Ваддāха и Рауды: "Однажды Ваддāх ехал куда-то со своими товарищами и во время пути вдруг попросил их остановиться и подождать, а сам отлучился на некоторое время. Затем он вернулся к ним плача. На их вопрос о том, что случилось, он отвечал: "Я отлучался к Рауде, потому что она заболела проказой, изгнана из своей местности и помещена в прокаженных. Я несколько улучшил ее положение и отдал ей большую часть своих денег" — и он снова заплакал, печалась о ней"⁴⁶. "И не нашли мы о них, — говорит далее Абū-л-Фарадж ал-Исбахāни, — никаких сведений, сообщаемых учеными, кроме малочисленных блесков и кое-каких указаний в его стихах. Что же касается связанного сообщения, то я его нашел только в поддельной книжке с захудальми рассказами и стихами, подобные которым не заслуживают упоминания. Она заболела проказой, и прекратилось то, что было между ними"⁴⁷.

Критикуя эту повесть, Т.Хусайн пишет: "Утверждают, что Ваддāх вначале любил одну женщину, йеменитку или персиянку, и утверждают, что она любила его, и утверждают также, что их любовь стала известна среди людей. А когда он ее посватал, ее род отказал ему в том, чего он хотел,

как это принято в романтических повестях того времени. Однако эта повесть сокращена, и поэт не смог сохранить свою страсть и подвергнуться опасностям любви, и не был обречен на то, чтобы правитель объявил его вне закона, как это обычно происходит в романтических повестях. Случилось же это так потому, что Рауда постигла проказа, и она перестала быть достойной любви. Она стала достойной только жалости, и поэт пожалел ее и выказал ей сострадание⁴⁸.

Дело здесь, конечно, не в том, чего была и чего не была достойна Рауда, но повесть о Ваддāхе и Рауде действительно очень напоминает, как справедливо отмечает Т.Хусайн, те романтические повести, которые были в большом ходу в аббасидский период, как, например, повести о Маджнūне и Лайле, Қайсе и Лубне, Джамīле и Басне и другие. В каждой из этих повестей тоже рассказывается о том, что когда любовь поэта стала известна среди людей, он посватался к своей возлюбленной, но ее род не отдал ее замуж за него, а отдал за другого. После этого, по выработанному трафарету повести, и начинаются все злосчастия поэта, доводящие его в конце концов до гибели. Почему же Ваддāх не погиб из-за любви к Рауде, подобно тому как погибли Маджнūн, Қайс ибн Зарīх, Джамīл ибн Ма‘мар? На этот вопрос можно было бы ответить другим вопросом: а что тогда пришлось бы делать с другими стихотворениями Ваддāха, посвященными не Рауде? В самом деле, в отличие от названных нами поэтов-бедуинов, каждый из которых воспевал свою единственную возлюбленную, Ваддāх ал-Йаман, подобно другим поэтам-горожанам, не был однолюбом, и "Книга песен" сохранила нам целый ряд стихотворений, в которых поэт воспевал различных женщин. Так, одно из них посвящено невольнице Йазīда ибн ‘Абд ал-Малика певиче Хабāбе, пение которой Ваддāх слышал в Хиджазе еще до того, как купил ее Йазīд⁴⁹. Другое стихотворение упоминает Хинд⁵⁰, третье – Салму⁵¹ и, наконец, жену халифа ал-Валида Умм ал-Банīн, встреча с которой оказалась для поэта роковой. Вместе с тем, большая часть его стихотворений посвящена Рауде. Стихи эти пользовались успехом, передавались из уст в уста и исполнялись как романсы известными певцами омейядского и аббасидского периодов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что вместе с популярностью стихов поэта о Рауде возник интерес и к ней самой. Кто она была и чем кончилась любовь поэта к ней? При отсутствии точных сведений, начали строиться различные догадки и домыслы, впрочем на основе стихов поэта, как некий комментарий к ним. Эти догадки и домыслы должны были увязываться между собой. Так начала складываться повесть о Ваддāхе и Рауде и, конечно, по тому трафарету, который постепенно выработывался в то время в арабской среде для романтических повестей.

Повесть о Ваддāхе и Рауде не то чтобы сокращена, как говорит Т.Хусайн, она просто не развилась до своего логического конца, потому что, как было уже сказано, Ваддāх, поэт-горожанин, в противоположность знаменитым поэтам-бедуинам, не был певцом своей единственной возлюбленной. Более того, каждому человеку дано умереть только один раз, и если стало известно, что Ваддāх был убит халифом, то он уже никак не мог умереть от несчастной любви к Рауде. И в самом существовании повести о Ваддāхе и Рауде, да еще в таком незаконченном виде, мы усматриваем лишь доказательство реального существования поэта. Вернемся, однако, к повести. Если она, по указанным выше причинам, не могла кончиться смертью поэта, ни даже смертью его возлюбленной, так как, логически рассуждая, тогда и ему следовало бы умереть от тоски по ней или уж во всяком случае не подобало бы воспевать других красавиц, то все же она должна была получить подходящее завершение. Его она и получила. Рауда заболела проказой, и любви должен был прийти конец, т.е. в жизни, по-видимому, так и случилось бы, и, наверное, никто не осудил бы поэта за то, что он не захотел вместе с Раудой погибнуть от проказы. А в жизни, может быть,

проказы вовсе и не было, а Ваддāх просто разлюбил свою Рауду и увлекся другой женщиной, но в таком случае не получилось бы романтической повести о Ваддāхе и Рауде. Для этого поэту нужно быть рыцарем без страха и упрека, и, насколько это было возможно, народная фантазия сделала Ваддāха таковым.

"Книга песен" сохранила восемь стихотворений о Рауде, причем одно из них, по сообщению ал-Исбахāни, приведено не полностью, "это часть касиды, - говорит он, - касиды длинной, превосходной":

- (1) "О люди, помогите! Как многочисленны упреки и сколько милой грации в видении, посетившем /меня/ ночью!
- (2) Появляется оно во дворцах Сана, пройдя ночью все страшные места пути и горы.
- (3) Оно пересекает и холмы и степи, хотя от жилища его восемь дней пути.
- (4) Оно упрекает во сне, но как милы нам его упреки и те слова, что оно говорит!
- (5) Я сказал: "Добро пожаловать, привет по числу капель ночному видению!" -
- (6) О как мил тот, кто, оставшись со мной наедине, говорит: "Да будут моя семья и мое имущество выкупом за тебя!",
- (7) Она - помыслы, желания и страсть души влюбленного во всех его ухищрениях.
- (8) Я измерил любовь людей до нас, но ни с чем не мог соразмерить своей любви к ней.
- (9) Я не нашел сходства в своей любви к ней с чьей-нибудь любовью, чувство наше не похоже на чувства других мужей.
- (10) Всякая любовь, когда она продолжительна, истлевает, лишь любовь к Рауде нетленна,
- (11) И давность союза не прибавляет ничего, кроме новизны и прелести обладания.
- (12) О укоряющие, как бранить меня после того, как поседели моя макушка и затылок!
- (13) Как бранить меня за ту, которая у меня вместо правой руки, сестры левой!
- (14) Клянусь Тем, ради которого вступают в Мине в состояние запрета и дозволенности на заре десятых ночей зу-л-хидджа⁵³,
- (15) Я не могу совладать ни со страстью своей, ни с самим собой с тех пор, как привязался к ней. Как же мне быть?
- (16) Если она удаляется, это равноценно смерти, а приближается ко мне, так начинается мое безумие.
- (17) О дочь маликита⁵⁴, о радость души, неужели же за любовь к вам можно меня убивать?!
- (18) Какой грех будет на мне, если скажу я, что люблю Хиджаз, как любят прозрачную воду?
- (19) Я люблю Хиджаз из любви к тому, кто живет в нем, я привязался к его кочевьям среди всех кочевий⁵⁵.

Видение возлюбленной, посещающее поэта ночью, мы встречаем и у других поэтов этого периода. Так, например, Джамил говорит:

- (1) Посетило видение Бусайны, придя ночью, несмотря на отдаленность, томимое желанием ко мне и возбуждающее желание.
- (2) Она пришла ночью с холмов ал-Хиджра, ускользнув ко мне, тогда как до меня - /стоянки/ племен ал-Аш'ар и Гāфиқ⁵⁶.
- (3) Как будто растолченный мускус примешался к распространяемому ею /аромату/, которым напоены ее рукава и локти.

- (4) Поднимается он, когда она поднимается со своего ложа
и уносит его ранним утром с ее груди тот, кого она обнимала⁵⁷.

Упреки возлюбленной во сне и наяву мы тоже находим у современников Ваддāха. Например, Джамīл так выражает свое восхищение Басной:

- (1) О как она прелестна, когда слезы смывают ее сурьму,
и когда она кончиками пальцев сбрасывает свои слезы!
(2) В тот вечер, когда она сказала, упрекая: "Ты убил меня!",
между тем как она сама желала убить меня тем, что сказала,
(3) Я ответил ей: "Будь щедр!" А она спросила в ответ:
"Ты серьезно это или пошутил?"⁵⁸.

Сравнение чувства поэта с жадной к воде тоже можно найти у других поэтов, например, у 'Умара ибн Абū Рабī'а:

Я сказал: "Моя страсть к ней подобна твоей жажде к воде,
когда у тебя нет возможности напиться"⁵⁹.

Приведем еще пример, тоже из стихов 'Умара:

- (1) О Сукайна! Вода Евфрата и ее приятность
при всей жажде и желании напиться
(2) Не сладостнее для меня, чем ты,
хотя ты и вдалеке и хотя редко женщины соблюдают верность
долго отсутствующему⁶⁰.

Мы больше могли бы привести параллелей, но, наверное, достаточно и этих для того, чтобы сказать, что приведенные стихи Ваддāха не выходят за рамки стиля того периода, в который он жил. К языку Ваддāха тоже нельзя придираться: язык его чист и богат, он хорошо знал его. Его стихи о Рауде нежны и овеяны грустью, поэтому они ближе по своему настроению к стихам поэтов-узритов⁶¹. В большинстве стихотворений, ей посвященных, она выступает как кочевница. Исключение представляет только та тенциона, в которой П.Шварц и В.А.Эберман склонны были видеть свидетельство проникновения персидской литературной традиции на арабскую почву, а в Ваддāхе, тем самым, – проводника этой традиции. Вопрос о подлинности тенционы еще не решен, но каким бы ни было это решение, оно никоим образом не может быть связано с вопросом об историчности самого поэта.

Абū-л-Фарадж ал-Исбахāни пишет: "У него об этой Рауде множество стихов. В большинстве из них – мастерство, но у меня не создалось впечатления, что он был искусен в некоторых из них"⁶². И действительно, некоторые стихотворения и не только из тех, в которых воспевается Рауда, не отличаются мастерством. Более того, они вызывают сомнение относительно их подлинности⁶³, и Т.Хусайн не напрасно дает уничтожающую критику одного из них как со стороны его смысла, так и со стороны его языка и рифм. Т.Хусайн, по-видимому, прав, говоря, что оно не могло быть сочинено в первые века ислама⁶⁴. Это стихотворение, действительно, производит впечатление искусственности, вымученности. Однако в большинстве случаев мы все же имеем у Ваддāха дело со стихами, которые могли быть сочинены на рубеже УП–УШ вв. В этом нас убеждает известная общность стиля – художественных средств и языковых приемов – Ваддāха и других современных ему поэтов-лириков. По настроению его стихи можно было бы поместить где-то между стихами поэтов-узритов и стихами поэтов-горожан. Глубина переживаний роднит Ваддāха со знаменитыми поэтами-бедуинами, однако эти переживания никогда не доходят до отчаяния. Его чувства проникновенны и нежны, но они лишены слезливости и надрыва, присущих этим поэтам. С другой стороны, способность Ваддāха увлекаться разными женщинами, что было с ним, по-видимому, в юности, еще до его встречи с Раудой, приближа-

ет его в этот более ранний период творчества к поэтам-горожанам. Эти стихи отличаются жизнерадостностью и даже известным юмором. По своему настроению они напоминают стихи 'Умара ибн Абӯ Раби'а и 'Убайдал-лаха ибн Қайса ар-Руқаййат. Мы позволим себе привести одно такое стихотворение.

- (1) Передай привет той, что поселилась в самой глубине твоего сердца. Узнала она о том, что ты влюблен, и начала кокетничать.
- (2) Когда она увидела тебя, все ее существо пришло в волнение, от страсти к тебе она затрепетала.
- (3) Когда ты пришел к ней, ее двери оказались закрытыми - ревнивец вознамерился спрятать ее, но она нашла выход.
- (4) Когда же ты ушел, она плакала от страсти к тебе так, что слезы ее смочили все, что только можно смочить.
- (5) Если ты, Ваддāх, посетишь нас, то добро пожаловать, да будет земля наша просторной для тебя и да осенит тебя своею сенью!⁶⁵

Однако даже в этих стихотворениях Ваддāх выражает свои чувства сдержаннее и мягче по сравнению даже с 'Умаром ибн Абӯ Раби'а. Откуда же у него эта мягкость? Т.Хусайн по этому поводу пишет: "Ты ведь читал стихи лирических поэтов из бедуинской среды и знаешь, что они отличаются силой выражений и степенностью стиля. Это характерная бедуинская черта, которая, если и не была очень резкой, то не была и очень мягкой. Ты уже читал и еще прочтешь стихи лирических поэтов из городской среды и увидишь, что эти стихи, если они и лишены бедуинской грубости в большей или меньшей степени, то они все же арабские, арабские, избавленные от банальности, ошибок и той мягкости, которая заставила бы тебя поклясться, что эти стихи сказал не араб, а что это - произведение немощного метиса"⁶⁶.

Отбрасывая форму, в которой выражена эта мысль, рассмотрим вопрос по существу. Ваддāх, действительно, был наполовину персом и вырос в персидской семье, где, наверное, сохранились какие-то национальные обычаи, какая-то культурная традиция, которая должна была наложить на поэта свой отпечаток и в его отношении к женщине и в его манере выражать свои чувства. Кроме того, тахаллус, который зорко усмотрел В.А.Эберман⁶⁷, с несомненностью указывает на влияние персидской литературной традиции на творчество Ваддāха ал-Йамана. Вместе с тем не стоит забывать, что он был также арабом-йеменцем и жил в Сана в окружении арабов-йеменцев, а йеменцы тоже всегда отличались и мягкостью характера и нежностью чувств. Это известно и из литературы и из жизни. А в таком случае ему было от кого наследовать эту мягкость души. Как бы там ни было, но мы видели, какую высокую оценку дал его стихам такой знаток поэзии, как Абӯ-л-Фарадж ал-Исбахāни. Из "Книги песен" мы узнаем также, что такой прославленный певец, как Ибн Сурайдж, слагал мелодии на его стихи и исполнял их как романсы. В данном случае нам особенно важно сообщение об Ибн Сурайдже, так как он был современником Ваддāха, и "Книга песен" сохранила нам описание его мелодий на стихи последнего⁶⁸.

Два стихотворения Ваддāха посвящены жене халифа ал-Валида ибн 'Абд ал-Малика, Умм ал-Банйн⁶⁹, которая является героиней отдельных связанных с Ваддāхом рассказов, развившихся впоследствии в романтическую повесть о Ваддāхе и Умм ал-Банйн. "Книга песен" со слов певца Будаи'а, тоже современника Ваддāха, сообщает, что Умм ал-Банйн, дочь 'Абд ал-Малика, приехала паломницей в Мекку, где в это время находились поэты Кусаййир и Ваддāх. Она попросила их воспеть ее в стихах, однако Кусаййир уклонился от этого и воспел ее невольницу Гāдиру. Что же касается

Ваддāха, то он открыто востел Умм ал-Банйн в стихотворении, которое, однако, в этой передаче отсутствует. Далее Будаѣх говорит, что ал-Валйд, узнав об этом, нашел случай убить поэта⁷⁰.

Аналогичное сообщение мы находим в "Книге песен" и со слов поэта Кусаййира: "Совершал я хаджж /одновременно/ с Умм ал-Банйн, дочерью 'Абд ал-'Азйза ибн Марвāна, а она жена ал-Валйда ибн 'Абд ал-Малика. И прислала она мне и Ваддāху: "Воспойте меня!", но я побоялся этого и воспел ее невольницу Гāдиру и сказал:

- (1) Паланкины Гāдиры, ушедшие ранним утром,
опечалили внезапно, не спросясь, мое сердце.
- (2) О Гāдира, если бы ты видела сострадание
навещающих женщин у моего изголовья,
- (3) Ты пожалела бы любящего, которого ты не вознаградила
пылким, обжигающим, как огниво, /чувством/.

Что же касается Ваддāха, то он воспел ее. Это дошло до ал-Валйда, и он нашел случай убить его⁷¹.

Кусаййир тоже не сообщает стихотворения Ваддāха, ставшего для него роковым. Однако из двух дошедших до нас его стихотворений, посвященных Умм ал-Банйн, одно могло бы быть приурочено ко времени этого хаджжа, хотя оно и не вставлено в чью-либо передачу, а стоит особняком:

- (1) Расставание и разлука раскололи сердце мое,
уехала Умм ал-Банйн и увезла рассудок мой.
- (2) Осталась душа в ее паланкинах,
а тело увели мои спутники.
- (3) Я сказал, тогда как уголки глаз обильно струили слезы,
будто это лилась вода из бурдюка,
- (4) Скорбя от разлуки в день ее отъезда:
"Да защитит меня Аллāх, обладатель лестницы, да защитит меня!"⁷²

По содержанию и настроению это стихотворение представляет собой известную параллель к стихотворению Кусаййира, и поэтому можно думать, что это именно то стихотворение, которым Ваддāх откликнулся на просьбу Умм ал-Банйн. Четкий ритм "хāфйфа", чистота языка и характер образов не дают никаких оснований считать его подложным. В пользу его подлинности говорит еще то обстоятельство, что оно не было вставлено ни в одну из редакций повести.

Из сведений, даваемых историком ат-Табарй (ум. 923), можно сделать заключение, что ал-Валйд во время своего правления участвовал только в хаджже 91 г.х. (709-10) и что Умм ал-Банйн сопровождала его в этом хаджже⁷³. Историк ал-Балāзури (ум. 892) прямо говорит, что встреча Умм ал-Банйн с Ваддāхом произошла во время хаджжа, который она совершала вместе с ал-Валйдом⁷⁴. Из рассказов же Будаѣха и Кусаййира можно, при желании, сделать заключение, что Умм ал-Банйн совершала хаджж без ал-Валйда, тем более, что трудно себе представить, как она могла рискнуть в присутствии своего грозного супруга обратиться к поэтам с такой просьбой. Впрочем, до нее ведь были воспеты поэтами и Фāтима бинт 'Абд ал-Малик, сестра ее супруга и жена 'Умара ибн 'Абд ал-'Азйза, и Сукайна, дочь Хусайна, сына халифа 'Али, и 'Атика, дочь халифа Му'авви, и многие другие знатные дамы, приезжавшие в Мекку паломницами. Как бы там ни было, но через столетие эта лазейка была использована. В рассказе, приводимом "Книгой песен" со слов передатчика древних арабских касид и исторических рассказов ал-Хайсама ибн 'Ади (ум. 821 или 822), говорится, что Умм ал-Банйн, дочь 'Абд ал-'Азйза ибн Марвāна и жена халифа ал-Валйда ибн 'Абд ал-Малика, попросила у своего мужа разрешения совершить хаджж, и он ей это разрешил. Она прибыла в Мекку с девушками-невольница-

ми, среди которых были необычайные красавицы. Одновременно с этим ал-Валид послал письмо в Мекку с угрозами по адресу поэтов, на тот случай если кто-нибудь из них осмелится воспеть его жену или кого-нибудь из сопровождающих ее женщин. Однако едва Умм ал-Банйин появилась в Мекке, как к ней устремились все бывшие там любезники и поэты, и "упал ее взор на Ваддāха, и она полюбила его"⁷⁵.

Этот рассказ вносит в предыдущие известную детализацию, еще больший элемент романтизма и становится как бы завязкой для них. Поэтому вполне естественно, что Абū-л-Фарадж ал-Исбахāни меняет их местами, делая рассказ Будайха и Кусаййира продолжением рассказа ал-Хайсама ибн 'Адй. В этом последнем, как мы видели, уже прямо говорится, что Умм ал-Банйин приехала в Мекку без халифа ал-Валида. Если допустить, что ат-Табарй не отметил хаджжей, которые она совершила без ал-Валида, то возникает вопрос, когда она могла совершить этот хаджж. Ваддāх был убит в 93 г.х. (711-12), следовательно, Умм ал-Банйин могла это сделать только в 92 г.х., т.е. всего через год после хаджжа 91 г.х. Это, конечно, маловероятно. По-видимому, речь здесь может идти только о хаджже 91 г.х., и ал-Балāзурй в своем сообщении прав, а рассказ ал-Хайсама ибн 'Адй от начала до конца представляет собой фольклорный материал. Вместе с тем он оказывается неплохой завязкой для повести о Ваддāхе и Умм ал-Банйин.

Итак, во время хаджжа 91 г.х. (709-10) Умм ал-Банйин, несмотря на присутствие в Мекке ал-Валида, обратилась к Кусаййиру и Ваддāху с просьбой воспеть ее в стихах. Кусаййир уклонился от этого, и в такой ситуации его боязнь становится вполне понятной. В пользу того, что дело обстояло именно так, говорит еще другое сообщение Будайха. Он рассказывает, что поэт 'Убайдаллāх ибн Қайс ар-Руқаййāt, тоже бывший тогда в Мекке и очарованный Умм ал-Банйин, поделился с ним своими чувствами, излив их в двух стихотворениях. Однако из боязни последствий он не обнародовал их, а продекламировал ему тайно. В одном из них названа Умм ал-Банйин⁷⁶.

Боязнь 'Убайдаллāха ибн Қайса ар-Руқаййāt тоже становится нам понятной, и тем смелее выглядит поступок Ваддāха ал-Йамана. Конечно, стихи дошли бы и до Дамаска, и халиф мог бы добраться до поэта и оттуда, но совершение такой дерзости в непосредственной его близости наверняка не могло пройти даром.

И, наконец, Будайх сообщает, что после того как ал-Валид убил Ваддāха ал-Йамана, Умм ал-Банйин совершила еще один хаджж, но во время него вела уединенный образ жизни, ни с кем не разговаривала, и ее взор был устремлен в одну точку. Тронутый ее состоянием, 'Убайдаллāх ибн Қайс ар-Руқаййāt опять отозвался стихотворением:

- (1) Ушел любимый, на которого она полагалась,
и усилилась тревога за любимую.
- (2) О, кто поможет моему языку и моему сердцу -
в ее членах нежность, а в ее мужестве - твердость⁷⁷.

Конечно, после того как Ваддāх был убит, ал-Валид мог разрешить своей супруге отправиться в хаджж. Кроме Будайха об этом хаджже упоминает еще филолог 1X в. ар-Рийāшй (ум. 870)⁷⁸.

Трудно себе представить, чтобы йеменцы, пусть и движимые племенными чувствами, так искусно, так изощренно сочинили все это - и мелодии Ибн Сурайджа, и рассказы Будайха и Кусаййира, и рассказ ал-Хайсама, и стихотворение Кусаййира, воспевающее Гāдиру, и стихотворение Ваддāха, посвященное Умм ал-Банйин, и сообщение об увлечении 'Убайдаллāха ибн Қайса ар-Руқаййāt Умм ал-Банйин во время того же хаджжа, и его стихотворения, ее воспевающие, и упоминание о последнем хаджже Умм ал-Банйин, и еще одно стихотворение Ибн Қайса. А если принять во внимание, что многое из

этого восходит в передаче к Будаѳу и Кусайиру, современникам халифа ал-Валида, в правление которого племенная вражда между северными и южными племенами была пригнута, то станет решительно непонятно, кому и зачем нужно было все это выдумывать. Нет, и здесь Т.Хусайн гиперкритичен.

Затем в "Книге песен" действие переносится в Сирию, в Дамаск. Здесь, по словам историка IX в. ал-Утби, Ваддāх написал в честь халифа стихотворение, а Умм ал-Банйн, якобы, пообещала помочь ему в аудиенции у ал-Валида. Халиф принял поэта, и тот продекламировал ему стихотворение, которое начинается традиционным насибом, посвященным некоей Усайле, а затем Ваддāх переходит к описанию какой-то военной экспедиции:

- (1) Полюбило сердце мое и склонилось к тебе,
о Усайла, а образ твой лишил меня сна.
- (2) Йаманитка, остановилась она у нас,
явила прелести лица и изящество свое, а красоты тела сокрыла.
- (3) Оставь нас, ночное видение,
пока стремлюсь я в сторону звезд Банат На^аш.
- (4) Впрочем, если хочешь, приходи к нам утром,
когда наши кони устремляются в направлении звезды Сухайл.
- (5) Если бы ты видела коней,
которые мчатся, оставляя за собой пыль, подобно шлейфу,
- (6) Ты бы увидела тогда на этих конях львов,
губящих стада и заставляющих бросать нажитое.
- (7) Когда послал нас ал-Валид,
мы устремились к коням, объединяясь в отряды.
- (8) Радость несем мы в жилища одних,
а другим оставляем страданье и горе⁷⁹.

Стихотворение ал-Валиду понравилось, он щедро наградил Ваддāха и милостиво с ним обошелся. Ал-Утби говорит, что Ваддāх воспел халифа в нескольких касидах⁸⁰, однако "Книга песен" нам этих касид не сохранила.

Интересно сопоставить приведенное нами стихотворение с упомянутой ранее элегией. Начинается она так:

- (1) Испугала ли тебя вспорхнувшая птица,
шумом крыльев возвещая о бедствии, наносящем тяжелый удар?
- (2) Да, я обезумел от горя по мужу-столпу;
случилось со мной, будто я подавился слюною своей.
- (3) Казалось, когда я ночью об этом узнал,
будто унес меня вихрь с вершины горы.

.....

- (7) О горе! Такие события, а я не присутствовал при них,
находясь в Сирии, подобно некоему одиноко тонущему.
- (8) Я не перестаю смотреть на письмо,
от которого душа старается отвлечься любовью к тленному.
- (9) Оно сообщает о смерти брата благородного,
ловкого, приносящего пользу, свободного⁸¹.

(Дальнейшие стихи с перечислением имен погибших уже цитировались).

Очевидно, все названные в элегии лица погибли в каком-то сражении в то время, когда Ваддāх находился при дворе ал-Валида в Дамаске. Первое же стихотворение - "Полюбило сердце мое и склонилось к тебе, о Усайла...", которым Ваддāх приветствовал халифа, прославляет доблесть его соплеменников в тех ратных делах, на которые их послал ал-Валид.

Итальянский арабист Л.Каззани, по-видимому, на основании недоступных нам материалов, сообщает в своей "Chronographia islamica" в отделе об умерших в 93 г.х., следующее: "Ваддāх ал-Йаман, то есть ^а Абдаллāх или

‘Абдаррахман ибн Исма‘ил ибн ‘Абд Кулал ал-Химйарī ал-Хаулāнī, поэт, родившийся в Сана, в 93 г.х. прибыл в качестве посланца к ал-Валиду ибн ‘Абд ал-Малику⁸².

Это сообщение Л.Каэтани, пожалуй, объясняет истинную причину появления Ваддāха в Дамаске и его аудиенцию у ал-Валида. Очевидно, Ваддāх сам участвовал в каком-то военном походе – ведь шли завоевания, и йеменцы, как мы знаем, принимали в них активнейшее участие, действуя во времена халифа ал-Валида главным образом на западном фронте. Если попытаться сориентироваться по звездам, как это практиковалось в те времена, то некоторые данные, содержащиеся в приведенном выше стихотворении (с. 150), могут нам в этом помочь. Ваддāх говорит:

- (3) Оставь нас, ночное видение,
пока стремлюсь я в сторону звезд Банāt На‘ш.
- (4) Впрочем, если хочешь, приди к нам утром,
когда наши кони устремляются в направлении звезды Сухайл.

Стихотворение читалось перед ал-Валидом, и халиф должен был сразу понять, откуда, с какого фронта прибыл этот посланец-поэт. Упоминание созвездия Банāt На‘ш, т.е. Большой Медведицы, дает основание предположить, что Ваддāх прибыл с северного фронта. Что касается звезды Сухайл, или Канопус, названной в следующем стихе, то она из Дамаска утром видна на юго-востоке⁸³. Кажущееся на первый взгляд противоречие исчезает, как только мы вспоминаем, что война в первом веке ислама тактически представляла собой систему набегов, таких же, какие совершали арабы и в доисламский период: ночью отряд устремлялся к какому-нибудь селению, подбирался к нему, а на заре нападал, грабил и затем с добычей возвращался, т.е. двигался уже в обратном направлении. И следующие затем стихи только подтверждают эту мысль (см. выше, с. 150).

Таким образом, можно думать, что Ваддāх вместе со своими родичами был отправлен не на западный фронт, под команду йеменца Мўсы ибн Нўсайра, а на северный, под команду родственников халифа ал-Валида, и, может быть, не случайно именно его они послали с донесением в Дамаск. Впрочем, на северном фронте, в жарких боях с византийцами, и без того трудно было уцелеть. Прибыв в Дамаск, Ваддāх был обласкан халифом, а затем впал в немилость. Ал-‘Утбī говорит, что до ал-Валида дошло, будто поэт воспел в стихах Умм ал-Банīн, однако стихов этих он не приводит. Тогда, говорит он, халиф порвал с ним узы дружбы, приказал не допускать к себе и задумал его убить. К этому моменту традиция относит одно стихотворение Ваддāха, в котором он сетует на немилость ал-Валида и пытается вновь снискать его расположение:

- (1) Почему глаз твой не спит? Как будто в нем соринка,
которую лекарь пытался вытащить, но лишь глубже ее загнал.
- (2) Нет, что с сердцем твоим? Все время оно точно охмелевший,
которого напоил сотрапезник один раз, а затем и вторично.
- (3) Я никогда не предполагал, что настанет такая ночь,
когда я буду в одном месте, а брат мой – в другом, и меня не буди с ним.
- (4) А ведь были мы, клянусь жизнью твоей, счастливы,
живя в благоденствии, и было нам любо проводить с ним и ночи
и дни.
- (5) Я вижу того, с которым мы были в беспечности,
забавляясь небрежностью и любясь изяществом его,
- (6) Подобным ночному видению, представшему перед любящим:
тешилс я им, а как только прошел сон, потерял.

- (7) Скажи тому, сердцем которого овладела беда:
"Не губи брата!" – ведь у него так мало братьев.
- (8) Встреть Ибн Марвана⁸⁴, который радовал его своим великодушием и щедростью, а /теперь/ уменьшил их:
- (9) Пожалуйся ему на то, что претерпел ты от него, и открой ему всю боль своего сердца.
- (10) Привет Ибн Марвану от человека, который вкушает самое малое от сна
- (11) Из-за любви к тебе, но ты не внемлешь его стремленьям и когда остановился он перед дверью твоей, ему не разрешили войти.
- (12) Изнуря животных, я стремился к тебе сквозь зимние ветры, сквозь хлещущий дождь
- (13) И ночи. Если бы острое меча попало под их хлестанье, оно бы затупилось⁸⁵.

Даже Т.Хусайн, при всей своей предубежденности, не может не признать за этим стихотворением, а также за тем, которым Ваддāх приветствовал ал-Валида, и за приведенной выше элегией известных достоинств⁸⁶. Из его высказываний можно сделать заключение, что в подлинности по крайней мере этих трех стихотворений, т.е. в том смысле, что они могли быть сочинены на рубеже УП–УШ вв., он не сомневается. Что касается содержания последнего приведенного стихотворения, то создается впечатление, что разрыв с халифом произошел неожиданно, и Ваддāх недоумевает, почему это случилось: еще вчера халиф был благосклонен, великодушен и щедр, а сегодня не разрешил даже войти к нему. Однако вернемся к передаче ал-‘Утбī. Он говорит, что халиф продолжал гневаться на поэта и однажды ночью послал схватить его и привести к себе. Ваддāх был убит и погребен во дворце ал-Валида, и с тех пор никто о нем ничего не слышал⁸⁷.

Интересно отметить, что, находясь уже в Сирии, Ваддāх пишет:

- (1) Противно душе моей в Сирии и, чтобы она успокоилась,
я вспоминаю стоянки и возлюбленную,
- (2) Вспоминаю я стоянки в Ша‘ўбе и племя, разделившееся на кланы.
- (3) Они похитили мое сердце, и пребывает оно там, где находятся они,
и тяжело ему, что не может оно ответить, когда они зовут.
- (4) О, если б какой-нибудь ветер был нашим посланником к вам,
северный или южный!
- (5) Чтобы он быстро донес к вам наши слова,
и чтобы вскоре дошло до нас то, что скажете вы.
- (6) О Рауда, измучила ты мое сердце,
и печалят его воспоминания о вас.
- (7) Любовь к тебе сделала меня немощным – а ведь
был я крепким – и явила в волосах моих седину.
- (8) Так ни отдаленность жилища Рауды, ни близость, когда оно
бывает близко, не могут заставить тебя ее забыть⁸⁸.

Опять Рауда! Значит даже здесь, в Сирии, рядом с блистательной Умм ал-Банйн, все помыслы поэта по-прежнему устремлены к ней, бедуинке родного Йемена. А как же проказа? Да никакой проказы не было, все это вымысел досужих рассказчиков. А как же любовь к Умм ал-Банйн? Да и любви этой не было. Приехав в Мекку, Умм ал-Банйн попросила поэтов воспеть ее, так как до нее уже были воспеты многие знатные дамы, и ей не хотелось от них отставать. Она, по-видимому, и сама не предполагала, во что это может обойтись поэту, воспевшему ее. Возможно, впрочем, что она потом и увлеклась смелым красавцем–Ваддāхом. Последний же хотел доставить удовольствие очаровательной жене халифа. Может быть, конечно, он и

увлекся ею, будучи там, в Мекке, в торжественно-приподнятой обстановке хаджа. Но здесь, в Дамаске, в атмосфере дворцовых интриг – ведь недавно же он пишет: “Мир не будет прочным до тех пор, пока в нем будут обладающие завистливым глазом” (15-й стих элегии) – и недоброжелательства со стороны ал-Валида его вновь потянуло на родину, к своим, к Рауде.

А как же повесть о Ваддāхе и Умм ал-Банйн? Жизнь жизнью, а повесть повестью. Ведь для того чтобы эта повесть зародилась, по существу, достаточно было двух фактов: во-первых, что поэт воспел Умм ал-Банйн и, во-вторых, что ал-Валид его убил. Остальное сделала народная фантазия. Раз возникнув, повесть далее развивалась уже вполне самостоятельно и, нередко, вопреки историческим фактам. Так, в “Книге песен” со слов Хāлида ибн Кулсūма рассказывается: “Ваддāх воспел в стихах Умм ал-Банйн, дочь ‘Абд ал-‘Азйза ибн Марвāна, жену ал-Валида ибн ‘Абд ал-Малика, а она была матерью его сына ‘Абд ал-‘Азйза. Это дошло до ал-Валида, и он приказал сыскать Ваддāха. Тот был приведен, и ал-Валид хотел его убить. Но его сын ‘Абд ал-‘Азйз сказал ему: “Не делай этого, о эмир верующих, чтобы не подтвердить этим его слова о моей матери. Поступи с ним лучше так, как поступил Му‘āвийя с Абū Дахбалем⁸⁹. Когда тот воспел в стихах его дочь, а Йазйд⁹⁰ пожаловался ему на это и попросил убить Абū Дахбала, Му‘āвийя сказал: “Тогда ты подтвердишь его слова. Ты лучше обойдись с ним хорошо и будь добр к нему; ему станет стыдно, он воздержится от стихов о ней и тем самым выкажет себя лжецом”. Но не согласился с сыном ал-Валид, а поместил Ваддāха в сундук и живым зарыл в землю”⁹¹.

Все в этом рассказе: и появление нового действующего лица – сына ал-Валида ‘Абд ал-‘Азйза, и как бы ходатайство его за Ваддāха перед отцом, и неумолимость ал-Валида, и появление сундука – все это имеет, конечно, одну цель: удлинить и приукрасить повесть. Более того, сам этот рассказ уже содержит в себе возможность дальнейшего своего развития: ведь ал-Валид мог и послушаться совета своего сына и не убивать Ваддāха после его стихов об Умм ал-Банйн. Но в таком случае для убийства Ваддāха ал-Валидом нужна была другая причина. Насколько в данном случае традиция оказалась неизобретательной, показывает следующий рассказ передаваемый со слов историка и генеалога 1X в. Муṣ‘аба ибн ‘Абдаллāха аз-Зубайрй. Характерно, что в этом рассказе появляется также попытка восполнить недостаток более ранних передач – отсутствие того стихотворения, в котором Ваддāх воспел, якобы, Умм ал-Банйн, будучи уже в Дамаске, при дворе. Муṣ‘аб рассказывает: “Заболела Умм ал-Банйн в то время, когда Ваддāх, будучи в Дамаске, поселился у нее. И он сказал по поводу ее болезни:

- (1) Доколе скрывать нам печаль нашу, доколе?
Зачем сдерживать нам слезы наши, зачем?
- (2) Воистину, то, что я испытываю, стало тягостным и одолело меня;
увеличилось оно и умножилось и дало в наследство недуги.
- (3) Умм ал-Банйн больна, и мы опасаемся, мы боимся,
что это приведет к смерти.
- (4) О Господи, дай мне насладиться долготой ее жизни
и утешь ею бедняков и сирот!
- (5) Утешь ею чужеземца в стране ее,
который разлучился с родней и по матери и по отцу.
- (6) Сколько ищущих, боящихся и несчастных
находили вблизи ее особы надежную защиту,
- (7) Особы, достойной восхваления, прославленной,
величия которой не выразят никакие слова.

Стихотворение Ваддāха дошло до ал-Валида, и он задумал его убить, но спросил об этом сына своего 'Абд ал-'Азйза. Тот сказал: "Если ты убьешь его, то опозоришь меня, так как подтвердишь этим его слова, и люди подумают, что между ним и моей матерью что-то есть". Тогда ал-Валид оставил Ваддāха, несмотря на свой гнев и злобу, пог^а не дошло до него, что тот принялся воспевать его сестру Фāтиму, дочь 'Абд ал-Малика и жену 'Умара ибн 'Абд ал-'Азйза - да будет доволен им Аллāх всевышний! А Ваддāх сказал о ней:

- (1) Дочь халифа, и дед ее - халиф, сестра халифа, халиф и супруг ее;
- (2) Радуются ей повивальные бабки и передают друг другу весть /о рождении нового халифа/. Так пребывали в радости и все сродники ее.

После этого гнев ал-Валида возрос и усилился, и он воскликнул: "Неужели эта собака не может воздержаться от упоминания нащих жен и сестер, и у него нет иного пути?!" Затем он послал за Ваддāхом. Тот был приведен, между тем ал-Валид приказал выкопать колодец. А когда это было сделано, он велел зарыть в нем Ваддāха живым"⁹².

Аналогичное этому, только в более сжатой форме и без приведения стихов рассказывается со слов современника Мус'аба филолога ар-Рийāшй (ум. 870) в рукописи произведения историка XV в. ал-'Айнй⁹³. Это обстоятельство позволяет сделать вывод, что данная редакция повести относится приблизительно к третьей четверти IX в.

Весьма решительно высказывает свое суждение Т.Хусайн о стихотворении, посвященном Умм ал-Банйн и приведенном нами в передаче Мус'аба ибн 'Абдаллāха аз-Зубайрй: "Если кто-нибудь и говорит, что это стихи арабские, стихи, которые были сложены в первом веке хиджры, то я утверждаю, что они не могли быть созданы ни в первом, ни во втором веке и что сочинил их невежественный сочинитель, у которого нет ни капли силы, ни доли искусства, в третьем или четвертом веке хиджры"⁹⁴. Здесь спорить с Т.Хусайном не приходится, так как стихи эти действительно слабы и безкусны, а то, что они вставлены в передачу IX в. и не фигурируют ни в одной из более ранних передач, особенно настораживает и наводит на мысль о том, что они были сострепаны каким-нибудь рассказчиком. Если к этому прибавить, что третья четверть IX в. соответствует середине третьего века хиджры, к которому ориентировочно относят их Т.Хусайн, то не останется никаких сомнений в том, что он абсолютно прав.

Что же касается упоминаемого в этом рассказе стихотворения о Фāтима, сестре халифа ал-Валида, то здесь достаточно самого поверхностного анализа, чтобы сказать, что это стихотворение подложно, и Ваддāх его сочинить не мог. Разберем только первый его стих: "Дочь халифа, и дед ее - халиф, сестра халифа, халиф и супруг ее..." "Дочь халифа" - это значит, что она дочь 'Абд ал-Малика; "дед ее - халиф" - она внучка халифа Мар-вāна ибн ал-Хāкама; "сестра халифа" - она сестра ал-Валида ибн 'Абд ал-Малика; "халиф и супруг ее" - она жена 'Умара ибн 'Абд ал-'Азйза. Все, как будто, правильно, однако общеизвестно, что 'Умар ибн 'Абд ал-'Азйз правил с 717 по 720 г., т.е. тогда, когда ни Ваддāха, ни ал-Валида уже не было в живых. Очевидно, и это стихотворение было сочинено рассказчиками в третьей четверти IX в.

Параллельно с этим намечается тенденция выдвинуть на первый план любовную тему повести, оставляя в стороне стихи. Так Абӯ-л-Фарадж ал-Исбахāнй рассказывает со слов Хāлида ибн Кулсӯма и историка IX в. аз-Зубайра ибн Баккāра (ум. 870), будто во времена Аббасидов один шу'е-убит составил для них книгу, в которой утверждалось, что Умм ал-Банйн полюбила Ваддāха и что это она прятала его в сундуке, который был у

нее. Но слуга ал-Валида, узнав об этом, сообщил халифу и показал ему тот сундук. Ал-Валид велел взять его и зарыть в землю⁹⁵.

Эта тема находит затем свое развитие в приводимом далее Абу-л-Фараджем рассказе. Длинная цепь передатчиков этого рассказа восходит к историку, жившему на рубеже УШ – IX вв., Хишаму ибн ал-Калби (ум. 819), который, якобы, говорит: "Полюбила Умм ал-Банйн Ваддāха и частенько за ним посылала, и он приходил и оставался у нее, а когда она боялась, то прятала его в один из стоящих у нее сундуков и запирала его на замок. Ал-Валиду же тем временем были преподнесены драгоценные камни очень большой цены. Красота их привела ал-Валида в восторг. Он позвал одного из своих слуг и отправил их с ним к Умм ал-Банйн, присовокупив: "Скажи ей, что эти драгоценные камни привели меня в восхищение, и я дарю их ей". Слуга неожиданно вошел к ней, в то время как Ваддāх был у нее. Она спрята-ла его в сундук, а слуга видел это. Он выполнил поручение ал-Валида, отдал ей драгоценные камни, а затем попросил: "О госпожа, подари мне из них один камень!". Она ответила: "Нет, о сын презренной, ни за что!". Тогда слуга вернулся к ал-Валиду и рассказал ему о Ваддāхе. Халиф воскликнул: "Ты лжешь, о сын презренной!" – и велел отрубить ему голову. Затем он надел свои сандалии и вошел к Умм ал-Банйн, между тем как она сидела в том же доме и причесывалась. Слуга описал халифу сундук, в котором она спрятала Ваддāха. Ал-Валид сел на него и спросил: "О Умм ал-Банйн, отчего полюбился тебе этот дом из всех твоих домов и почему ты предпочла его им?". Она ответила: "Живу я в нем и предпочитаю его, потому что он обедняет все мои нужды. Чего бы я ни пожелала, все в нем поблизости". Потом ал-Валид попросил: "Подари мне какой-нибудь из этих сундуков!". Она ответила: "Они все твои, о эмир верующих!". Он сказал: "Я не хочу все, я хочу только один из них". Она ответила: "Бери какой хочешь!". Он сказал: "Вот этот, на котором я сижу". Она попросила: "Возьми какой-нибудь другой, в этом у меня нужные мне вещи". Но он ответил: "Я не хочу другого!". Тогда она сказала: "Возьми его, о эмир верующих!". Ал-Валид позвал слуг и велел им отнести сундук. И они несли, пока не дошли до приемной халифа, а там оставили его. Затем он приказал рабам вырыть в приемной глубокий колодец. И был снят ковер, и рабы рыли, пока не показалась вода. Тогда ал-Валид сказал, обращаясь к сундуку: "Эй, ты, дошло до нас нечто. Если это было правдой, то мы завернули тебя в саван и погребли и тебя и воспоминание о тебе и пресекли твой след до скончания века. Если же это было ложью, то мы погребли всего лишь дерево, так это пустяк". Затем сундук был брошен в колодец и засыпан землей. И была выровнена земля, и вновь послан ковер, и ал-Валид сел на него. И с того дня и по сей день никто больше не видел Ваддāха-йеменца. И не увидела Умм ал-Банйн никаких следов происшедшего на лице ал-Валида до тех пор, пока не разлучила их смерть"⁹⁶.

Аналогичный этому рассказ, и также возводя его к Хишаму ибн ал-Калби, передает, живший на рубеже XI–XII вв. ученый Ибн ас-Саррадж (ум. 1106) в своей книге "Гибель любящих" ("Маṣāriḥ al-‘Ушшāḳ"), но относя всю эту историю не ко времени ал-Валида ибн ‘Абд ал-Малика, а ко времени правления его брата Йазида ибн ‘Абд ал-Малика (720–724)⁹⁷. Это – явная путаница, тем более, что третий источник, передающий рассказ о Ваддāхе и Умм ал-Банйн, а именно рукопись ал-‘Айни, уже неоднократно упоминавшаяся здесь, вкладывает в уста того же Хишāма ибн ал-Калби следующие слова: "И не было видно Ваддāха с того дня, и не видела Умм ал-Банйн на лице ал-Валида никаких следов происшедшего, пока не разлучила их смерть"⁹⁸.

Из всех этих данных можно заключить, что рассказ этот, сложившись, по-видимому, на рубеже УШ–IX – начала IX в., до времени Ибн ас-Саррадж-

жа, т.е. до XII в., передавался в том же виде, в каком его зафиксировал в X в. Абӯ-л-Фарадж ал-Исбахāнī в своей "Книге песен".

Любопытны сведения, которые приводятся в той же рукописи ал-'Айнī, якобы, со слов историка IX в. ал-Балāзури (ум. 892). Интереснее всего здесь то, что эти сведения, приведенные в двух местах одной и той же рукописи и находящиеся почти рядом, исключают друг друга. Так, в одном месте говорится, что Умм ал-Банīн, дочь 'Абд ал-'Азйза ибн Марвāна, сестра 'Умара ибн 'Абд ал-'Азйза, супруга ал-Валида ибн 'Абд ал-Малика, который гордился ею, была женщиной праведной, целомудренной, любила стихи и изящную литературу. Ей нравились стихи Ваддāха, и она находила их самыми красивыми и красочными из всех стихов поэтов Йемена. Приехав в Мекку с ал-Валидом, она подружилась там с Ваддāхом, который по окончании хаджжа, сопровождал их в Сирию. В Дамаске он тайно приходил к ней декламировать стихи через разделявший их занавес. Это дошло до ал-Валида и огорчило его. Он сказал слуге: "Пойди к ней и, если найдешь там Ваддāха, убей его". Слуга пошел к Умм ал-Банīн и, найдя у нее Ваддāха, посадил его в сундук и закрыл на замок. Затем он вырыл колодец, бросил туда сундук и засыпал землей⁹⁹. В другом же месте, со слов того же ал-Балāзури, говорится, что Умм ал-Банīн, возлюбленная Ваддāха ал-Йамана, не была дочерью 'Абд ал-'Азйза ибн Марвāна, а была дочерью какого-то ал-Мухрима. Была она красивой женщиной из жительниц Йемена, химариткой. Ваддāх полюбил ее, и она полюбила Ваддāха, но женился на ней ал-Валид и увез ее с собой в Сирию. Ваддāх же последовал за нею и "сделал с ал-Валидом то, что сделал"¹⁰⁰. "Это правильно, - говорит историк Сибт ибн ал-Джаузй (1186-1257) в той же рукописи, - потому что Умм ал-Банīн, дочь 'Абд ал-'Азйза ибн Марвāна, была женщиной целомудренной"¹⁰¹.

В параллель к этому суждению Сибта можно привести другое его высказывание, помещенное в той же рукописи: "То, что ал-Валид женился на Умм ал-Банīн, дочери 'Абд ал-'Азйза, в Мекке, ошибочно, так как его женил на ней его отец еще при своей жизни"¹⁰².

Такая противоречивость сведений, передаваемых со слов одних и тех же лиц, только лишний раз убеждает в том, что далеко не всегда можно на эти сведения полагаться.

Едва ли требуются доказательства того, что Умм ал-Банīн, жена халифа ал-Валида, была его двоюродной сестрой; точно так же как и Фāтима, родная сестра ал-Валида и жена 'Умара ибн 'Абд ал-'Азйза, была двоюродной сестрой последнего.

Кому же и зачем понадобилось измыслить версию о том, что Умм ал-Банīн не была дочерью 'Абд ал-'Азйза ибн Марвāна, а была дочерью ал-Мухрима из жителей Йемена? Конечно, рассказчикам, и для того чтобы притянуть повесть о Ваддāхе и Умм ал-Банīн к излюбленному трафарету. Подобно тому как Маджнун и Лайлā были из одного племени, вместе выросли и с детства полюбили друг друга, но Лайлā была выдана замуж за другого, и после этого начались все страдания Маджнүна, точно так же и здесь оказывается вдруг, что Умм ал-Банīн тоже, как и ее возлюбленный Ваддāх, была из жителей Йемена, но явился халиф ал-Валид, женился на ней и разлучил ее с любимым. И если такой видный авторитет, как ал-Балāзури, говорит, что она была дочерью 'Абд ал-'Азйза ибн Марвāна, нужно, чтобы этот же авторитет и опроверг самого себя. И если другой видный авторитет, Сибт ибн ал-Джаузй, говорит, что сообщение о том, что ал-Валид женился на ней в Мекке, ошибочно, так как его женил на ней еще его отец, - следовательно, в Дамаске и, следовательно, никуда ал-Валид для этого не являлся и ни с кем ее не разлучал, то нужно, чтобы этот же авторитет подтвердил второе сообщение ал-Балāзури, вернее лже-Балāзури. Он его и подтверждает: "Это правильно, потому что Умм ал-Банīн, дочь 'Абд ал-'Азйза

ибн Марвāна, была женщиной целомудренной" – и, следовательно, не могла вести себя столь легкомысленно. А вот дочь какого-то йеменца ал-Мухрима могла себе это позволить, даже став женой халифа. Вот здесь мы могли бы вспомнить о межплеменной вражде и усмотреть в замечании лже-Сибта стремление выставить йеменцев в не совсем выгодном свете. Но тогда едва ли мы могли бы предположить, что самим йеменцам, которые, по мнению Т.Хусайна, выдумали и стихи Ваддāха и сведения о нем, пришла охота возводить поклеп на себя же. Нет, конечно. Здесь было только желание приблизить повесть к трафарету, и если мы внимательно взглядем в эти сообщения, то увидим, что они связаны, при всей их противоречивости, единой сюжетной линией. Так, если первый рассказ, повествующий о встрече Умм ал-Банйн с Ваддāхом во время хаджжа, их дружбе, о переезде Ваддāха вместе с Умм ал-Банйн и ал-Валидом в Сирию и т.д., отражает стремление объединить ранние варианты повести с более поздними и как-то объяснить перемещение действия из Мекки в Дамаск, то второй рассказ выделяет, уже из этой основы, линию любви Ваддāха и Умм ал-Банйн, делая ее ведущей линией. Этот второй рассказ становится как бы последней ступенькой к окончательной редакции повести о Ваддāхе и Умм ал-Банйн.

В развернутом и сюжетно вполне законченном виде эту повесть передают уже неоднократно упоминавшаяся здесь рукопись произведения историка XV в. ал-‘Айнй¹⁰³, а также готская рукопись произведения арабского ученого XII в. Джамāl ад-Дйна Абū-л-Фараджа ал-Джаузй (1116–1200) "Книга нанизанного и подобранного из того, что необходимо" ("Kitāb ал-мунтазам ва мултақат ал-мултазам"), только первая, ссылаясь на какого-то Абу Михра, а вторая – на историка IX в. Ибн Мушхира. По-видимому, имя Абū Михр является искажением Ибн Мушхир, тем более, что рукопись ал-‘Айнй почти слово в слово передает то, что рассказывает готская рукопись ал-Джаузй о Ваддāхе и Умм ал-Банйн. В законченном виде повесть (по готской рукописи) выглядит так:

"Ваддāх ал-Йаман и Умм ал-Банйн с малых лет вместе росли. Он полюбил ее, а она полюбила его, и он не мог жить без нее. Но когда она выросла, ему было запрещено ее навещать, и долго длилась их беда. Тем временем ал-Валид ибн ‘Абд ал-Малик совершал хаджж. До него дошла весть о красоте Умм ал-Банйн и ее воспитанности, и он женился на ней и увез ее в Сирию. И потерял Ваддāх от этого свой разум. Он начал таять и худеть, а когда затянулась его беда, поехал в Сирию. Там стал он каждый день кружиться вокруг дворца ал-Валида ибн ‘Абд ал-Малика, не находя никакой уловки, пока не увидел однажды невольницу Сафру. Потихоньку приблизившись к ней, он спросил: "Не знаешь ли ты Умм ал-Банйн?". Та осведомилась: "А что тебе нужно от моей госпожи?". Он ответил: "Она дочь моего дяди, она выросла вместе со мной. Что бы тебе сообщить ей обо мне!". Девушка пошла и рассказала Умм ал-Банйн. Та воскликнула: "Горе тебе, неужели он жив?!". Девушка ответила: "Да". Умм ал-Банйн сказала: "Передай ему: "Будь на том же месте, пока не придет к тебе мой посланец, я же не упушу никакой уловки ради тебя". Затем она прибегла к хитрости и внесла его к себе в сундуке, и он оставался у нее некоторое время. Когда она чувствовала себя в безопасности, выводила его из сундука, и он сидел с нею, а когда боялась глаза соглядатая, прятала его в сундук.

Однажды ал-Валиду ибн ‘Абд ал-Малику были преподнесены драгоценные камни, и он сказал одному из своих слуг: "Возьми эти камни, отнеси их Умм ал-Банйн и скажи ей: "Они преподнесены эмиру верующих, но он посылает их тебе". Слуга вошел к ней, не спросив разрешения, между тем как Ваддāх был с нею. Слуга заметил его, но Умм ал-Банйн не знала об этом. Ваддāх же поспешил к сундуку и спрятался в нем. Слуга выполнил

поручение к ней, а затем попросил: "Подари мне из этих камней один камешек". Она ответила: "Нет матери у тебя, что тебе делать с ним!". И он вышел, разозлившись на нее, а придя к ал-Валиду, все ему рассказал и описал ему сундук, в который, как он видел, спрятался Ваддāх. Ал-Валид сказал: "Ты лжешь, нет матери у тебя!". Затем он поспешно поднялся и пошел к ней, между тем как она была в том доме, а в нем много сундуков, вошел и сел на тот сундук, который ему описал слуга. Затем он попросил ее: "О Умм ал-Банйн, подари мне один из этих твоих сундуков!". Она ответила: "О эмир верующих, они принадлежат тебе, и я принадлежу тебе". Он сказал: "Я хочу только тот, который подо мной". Она возразила: "О эмир верующих, в нем кое-что из женских принадлежностей". Он ответил: "Я не хочу другого". Она промолвила: "Он твой". И ал-Валид приказал его унести. Затем он позвал двух рабов и велел им рыть колодезь. И они рыли, пока не показалась вода. Тогда он приложил рот к сундуку и сказал: "Эй, сундук, дошло до нас кое-что о тебе. Если это было правдой, то ты погребли слух о тебе и стерли твой след, а если это было ложью, то что нам стоит погребсти сундук из неотесанного дерева". Затем он приказал бросить его в яму, а поверх него сбросить того слугу, и оба они были засыпаны землей. И часто в этом месте видели Умм ал-Банйн плачущей, пока однажды она не была там найдена лежащей ничком, мертвой"¹⁰⁴.

Насколько конец повести далек от истины, помогает судить замечание историка X в. ал-Харā'итй (ум. 938), помещенное в рукописи ал-'Айнй: "Сообщение о том, что она была найдена мертвой на месте ямы, неверно. По единодушному мнению биографов, Умм ал-Банйн скончалась в 117 году хиджры (735), в год законоведов"¹⁰⁵.

Таким образом, поскольку последний вариант повести опирается на передачу историка IX в. Ибн Мушхира, а историка X в. ал-Харā'итй он был уже известен, можно думать, что окончательная ее редакция относится к концу IX в.

На фоне этой окончательной редакции повести становится понятной цель фабрикация того упомянутого нами ранее стихотворения о Рауде¹⁰⁶, которое так резко раскритиковал Т.Хусайн (с. 146), категорически заявляя, что оно не могло быть создано в первые века ислама и что его можно отнести лишь к его более поздним векам¹⁰⁷. В 4-м стихе этого стихотворения говорится: "Я зову тебя Раудой, просторной лужайкой, Тогда как имя у тебя иное, из опасения: Боюсь я, что наслетничает на тебя какой-нибудь клеветник."

Конечно, если Умм ал-Банйн была с детства возлюбленной Ваддāха, как это говорится в последнем варианте повести, то совместить это с Раудой можно только таким образом, что Рауда – это вымышленное имя, под которым поэт разумел Умм ал-Банйн, но не дочь 'Абд ал-'Азйза ибн Марвāна, а дочь ал-Мухрима, ту йеменитку-кочевницу, которой он посвятил столько стихов и с которой его разлучил ал-Валид.

Интересно отметить одно приводимое в рукописи ал-'Айнй сообщение филолога IX в. ар-Рийāшй (ум. 870), отражающее, очевидно, желание как-то удостоверить подлинность истории с сундуком и погребением Ваддāха. Ар-Рийāшй передает:

"Во времена Аббасидов сошлись два человека – один из потомков ал-Валида, а другой – из приверженцев Аббасидов. И рыл этот человек дом и нашел в нем сундук. Он открыл его – и вот в нем Ваддāх ал-Йаман, уже истлевший. Он стал ругать Умм ал-Банйн за Ваддāха, и было тогда сказано, что ал-Валид утопил Ваддāха в воде на глазах у Умм ал-Банйн, а она отправилась после этого в Мекку совершить паломничество"¹⁰⁸.

Что касается мотива сундука, то он начинает фигурировать в повести, как мы видели, с конца VIII в., и достаточно вспомнить сказки "Тысячи и одной ночи", чтобы почувствовать в этом фольклорный мотив. Так, в сказ-

ке-рамке рассказывается о том, что ифрит прячет свою возлюбленную в сундук, запирает его семью замками и опускает на дно моря. В "Рассказе о трех яблоках" муж, заподозрив свою жену в измене, убивает ее, кладет в корзину из пальмовых листьев, а затем в сундук и бросает в Тигр. В "Рассказе надсмотрщика" евнухи вносят юношу-купца во дворец Харун ар-Рашида в сундуке, чтобы царица Ситт Зубайда могла посмотреть на него и выдать за него свою воспитанницу, в которую этот юноша был влюблен. В "Рассказе о Ганиме ибн Аййубе" жена Хārūn ар-Рашида, Ситт Зубайда, из ревности приказывает одурманить невольницу Кут ал-Кулуб банджем, затем положить ее в сундук и зарыть в землю. В "Пятом рассказе невольницы" везир прячет царевича в сундук и относит его в дом купца, чтобы свести его с женой купца.

Сообщение о драгоценных камнях и мстительном слуге тоже напоминает некоторые рассказы "Тысячи и одной ночи", как, например, "Рассказ о Тадж ал-Мулуке", в котором царь Шахраман посылает с евнухом преподнесенную ему шкатулку с драгоценными камнями в подарок своей дочери Ситт Дунйа. Придя к ней, евнух находит ее в объятиях Тадж ал-Мулука и докладывает об этом царю Шахраману¹⁰⁹.

Кстати, с проказой мы тоже встречаемся в "Тысяча и одной ночи". Так, например, в рассказе "Об Ала ад-Дине Абу-ш-Шамате", чтобы Ала ад-Дин и его временная жена, лютнистка Зубайда, не увлеклись друг другом, посланная первым мужем Зубайды старуха наговаривает каждому из них, что другой болен проказой¹¹⁰.

Можно было бы привести гораздо больше примеров, но и этих более чем достаточно, чтобы увидеть, насколько повести о Ваддāхе и Умм ал-Банйин и о Ваддāхе и Рауде близки к сказкам "Тысячи и одной ночи".

Прослеживая ход развития повести о Ваддāхе и Умм ал-Банйин, а также повести о Ваддāхе и Рауде, можно сделать вывод, что легендарный материал накапливался не с постепенной равномерностью, а в определенные исторические периоды: первые зародыши его мы находим в начале УШ в.; дальнейшее развитие он получает приблизительно через столетие, на рубеже УШ-IX в., в начале IX в. На протяжении всего IX в. развитие это идет по двум линиям: с одной стороны, появляются отдельные короткие рассказы, иногда возникающие как попытка объяснить некоторые стихотворения поэта, с другой стороны, фабрикуются стихи как иллюстрация к этим рассказам. К X в., наконец, из всего материала, избирая единую сюжетную линию, сформировывается повесть, конечно не без влияния складывавшихся в то время других романтических повестей и сказок.

Таким образом, большая часть сведений, передаваемых о Ваддāхе ал-Йамане, — не более как позднейший фольклорный материал. На долю биографии поэта остается немногое, тем не менее, это не дает еще оснований сомневаться в его историчности. Приходится сказать, что критика Т.Хусайна, во многом очень обоснованная и справедливая, приводит его, однако, к неверному выводу о неисторичности поэта. На основе сделанного анализа мы можем с уверенностью отнести к его биографии следующие данные.

Поэт 'Абдаррахман, или 'Абдаллах, ибн Исма'ил ибн 'Абд Кулал ал-Химйари ал-Хауланй, по прозвищу Ваддāх ал-Йаман, родился в Сана, где провел, по-видимому, большую часть жизни. Отец его, Исма'ил ибн 'Абд Кулал, был арабом знатного происхождения, а мать поэта была персиянкой. В раннем детском возрасте Ваддāх потерял отца и был воспитан отчимом, по происхождению персом из того же рода, что и его мать. В своих стихах он называет его Абū-л-Ваддāхом, что является почетной кунйей, которую его отчиму дали, очевидно, арабы из жителей Сана.

Часть стихотворений Ваддāха посвящена различным женщинам, которых он воспевал, по-видимому, в более ранний период своего творчества. Позже

он встретил женщину, которой остался верен до конца своих дней. В своих стихах он называет ее Раудой, и была она, по всей вероятности, арабско-кочевницей, йемениткой, возможно даже двоюродной сестрой поэта со стороны его отца. По сообщению ал-Исбахāни, он посвятил Рауде много стихотворений, однако до нас дошло из них только восемь.

В 91/709-10 г. во время паломнических торжеств поэт оказывается в Мекке, где знакомится с женой халифа ал-Валида ибн 'Абд ал-Малика Умм ал-Банйн, прибывшей со своим супругом для совершения паломнических обрядов. По просьбе Умм ад-Банйн Ваддāх воспеваеет ее в коротком, но изящном и трогательном стихотворении. Это доходит до халифа. Затаив гнев, он вскоре, по-видимому, отправляет соплеменников Ваддāха и, конечно, его вместе с ними в завоевательный поход, возможно, против Византии. В 93/711-12 г. Ваддāх прибывает в Дамаск с донесением о ходе военных операций. Получив аудиенцию у халифа, он воспеваеет его в стихах. Ал-Валид ласково принимает его и щедро одаривает, но вскоре, без видимых причин, порывает с ним, а затем велит схватить его и убить.

Трагическая судьба красавца-поэта, а также его стихи, то жизнерадостно шуточные, то грустно проникновенные, вызвали к себе интерес и сочувствие уже его современников. Позднее, в период правления Аббасидов, с именем Ваддāха ал-Йамана сплелось много легенд, которые оформились впоследствии в две романтические повести - повесть о Ваддāхе и Рауде и повесть о Ваддāхе и Умм ал-Банйн. По своему характеру эти повести близки к другим романтическим повестям и сказкам того времени, благодаря чему Ваддāх стал романтическим героем арабов, не менее интересным, чем прославленные Маджнун из племени 'Амир или Джамил из племени 'Узра. Однако в противоположность последним, он не был "героем пустыни". И в жизни и в повести Ваддāх ал-Йаман остается горожанином, начав свою жизнь во дворцах Сана и окончив ее во дворце халифа в Дамаске.

П р и м е ч а н и я

- 1 А. Крeмeг. Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen. Bd 1. Wien, 1875. с. 145.
- 2 А. Мюллер. Der Islam im Morgen/und Abendland. Bd 1. В., 1885. с. 397.
- 3 * Schwarz. Diwan des 'Umar ibn abī Reb'ā. 4 (Schluss-) Heft. Lpz., 1909. с. 45, примеч. 2.
- 4 В. А. Э б е р м а н. Персы среди арабских поэтов эпохи Омейядов. - ЗКВ. Т. II, вып. 1. 1926, с. 125-126.
- 5 Т. Х у с а й н. Хадис ал-арба'а. Ч. 1. 1953, с. 228 (далее - Т. Х у с а й н. Хад. ал-арб.).
- 6 Т. Х у с а й н. Сухуф мухтāра мин аш-ши'р ат-тамсйли 'инда-л-йүнāн. Каир. 1920.
- 7 Т. Х у с а й н. Хад. ал-арб., с. 228.
- 8 А б у - л - Ф а р а д ж а л - И с б а х ā н и. Китāб ал-агāни. Т. У1. Каир, 1867, с. 32-47 (далее - Аг.).
- 9 Т. Х у с а й н. Хад. ал-арб., с. 230.
- 10 С. Brockelmann. Geschichte der arabischen Litteratur. Supplement. I. Leiden, 1937, с. 82.
- 11 Т. Х у с а й н. Фй-ш-ши'р ал-джāхилий. Каир, 1926; И. Ю. К р а ч к о в с к и й. Таха Хусейн о доисламской поэзии арабов и его критики. - Избранные сочинения. Т. III, 1956, с. 197.
- 12 И. Ю. К р а ч к о в с к и й. Таха Хусейн о доисламской поэзии арабов и его критики, с. 197.
- 13 Т. Х у с а й н. Фи-л-адаб ал-джахили. Каир, 1927, i
- 14 Т. Х у с а й н. Хад. ал-арб., с. 18-19.
- 15 В. А. Э б е р м а н. Персы среди арабских поэтов, с. 120.
- 16 От названия северноарабского племени Қайс 'Айлāн.
- 17 Аг., с. 32-47.

- 18 Там же, с. 32.
- 19 Там же, с. 32, 33; "химйаритский" и в дальнейшем "химйарит" - из древне-го южноарабского племени Химйар.
- 20 А л - 'А й н й. 'Иқд ал-джуман фй та'рих аз-заман. Рук. ЛО ИВАН № С-350, т. II, л. 428 v. (далее - а л - 'А й н й. 'Иқд ал-джуман).
- 21 Аг., с. 32.
- 22 Там же, с. 32-33; "ваддāх" - "сияющий", "блестящий".
- 23 Там же, с. 33.
- 24 Там же.
- 25 Там же.
- 26 Там же; "от недопускающих проклятья" - так говорили о некоторых князьях. Выражение происходит от приветственной формулы **أبيت اللعن** - "да не допустишь ты проклятья".
- 27 "Куниа" - родословное имя, отчество или сыновство.
- 28 "Ас-Сиддйк" ("Правдивый") - прозвище халифа Абӯ Бакра; "ал-Фārūх" ("Различающий /добро и зло/") - прозвище халифа 'Умара ибн ал-Хаттаба.
- 29 Аг., с. 33.
- 30 Там же, IУ, с. 37.
- 31 Там же, У1, с. 41.
- 32 Там же, с. 41-42.
- 33 "Абӯ-л-Ваддāх" буквально значит "Отец Ваддāха".
- 34 Т. Х у с а й н. Хад. ал-арб., с. 229.
- 35 Аг., с. 33.
- 36 Там же, с. 38, 39.
- 37 Там же, с. 44.
- 38 Географический словарь Йакута местонахождения не указывает.
- 39 Аг., с. 44.
- 40 Там же, с. 33.
- 41 Там же.
- 42 Там же.
- 43 Там же.
- 44 Там же, с. 33-34.
- 45 Там же, с. 34.
- 46 Там же.
- 47 Там же.
- 48 Т. Х у с а й н. Хад. ал-арб., с. 232.
- 49 Аг., с. 42; Йазйд ибн 'Абд ал-Малик был младшим братом халифа ал-Валида.
- 50 Там же, с. 43.
- 51 Там же, с. 46.
- 52 Там же, с. 45, 40.
- 53 Минā - долина близ Мекки, где паломники совершают жертвоприношения и другие религиозные обряды, а на десятый день зу-л-хиджа вступают в Мекку, в Ка'бу, с тем, чтобы в этот же день и закончить хаджж.
- 54 Это значит, что отец Рауды принадлежал к клану Малик племени Химйар.
- 55 Аг., с. 43.
- 56 Гафиқ - клан племени 'Акк, обитавшего в Тихаме.
- 57 F. Gabrieli, *Gamil al-'Udri. Studio critico e raccolta dei frammenti.* - "Rivista degli studi orientali". XVII, fasc. II-III, Roma, 1937, 153.
- 58 Там же, с. 156.
- 59 М у х а м м а д М у х й й - д - Д й н. Шарх дйван 'Умар ибн Абӯ Ра-бй'а. 1952, с. 422.
- 60 Там же, с. 427.
- 61 "Уэрит" - от названия племени 'Уэра, прославившегося своей возвышенной любовью.
- 62 Аг., с. 35.
- 63 Там же, с. 36.
- 64 Т. Х у с а й н. Хад. ал-арб., с. 231.
- 65 Аг., с. 44.
- 66 Т. Х у с а й н. Хад. ал-арб., с. 230.
- 67 В. А. Э б е р м а н. Персы среди арабских поэтов, с. 126.
- 68 Аг., с. 44, 46.
- 69 Там же, с. 40, 45.
- 70 Там же, с. 37.

- 71 Там же, с. 38.
- 72 Там же, с. 45; "обладатель лестницы" - т.е. той лестницы, по которой Мухаммад, согласно легенде, поднялся на небо, к престолу Аллаха.
- 73 А т - т а б а р и . Та^{рих} ар-русул ва-л-мулук. Т. II, сер. 2. Лейден, 1883-1885, с. 1232, 1273-1274.
- 74 А л - 'А й н и . 'Иқд ал-джуман, т. II, л. 429
- 75 Аг., с. 36-37.
- 76 Там же, с. 37.
- 77 Там же, с. 38.
- 78 А л - 'А й н и . 'Иқд ал-джуман, т. II, л. 429 .
- 79 Аг., с. 38.
- 80 Там же.
- 81 Там же, с. 41.
- 82 L. Caetani. Chronographia islamica. II, 1141.
- 83 Автор статьи выражает глубокую признательность П.Г.Куликовскому за данную по этому вопросу консультацию.
- 84 Т.е. потомка Марвана, так как ал-Валид был внуком халифа Марвана ибн ал-Хакама.
- 85 Аг., с. 39.
- 86 Т. Х у с а й н . Хад. ал-арб., с. 234.
- 87 Аг., с. 39.
- 88 Там же, с. 36.
- 89 Абӯ Дахбал ал-Джумахй - хиджазский поэт (ум. после 715).
- 90 Йазид - сын халифа Муавийи и брат Атики, о которой идет здесь речь.
- 91 Аг., с. 39.
- 92 Там же, с. 40.
- 93 А л - 'А й н и . 'Иқд ал-джуман, т. II, л. 429г.
- 94 Т. Х у с а й н . Хад. ал-арб., с. 232.
- 95 Аг., с. 39.
- 96 Там же, с. 39-40.
- 97 И б н а с - С а р р а д ж . Масари' ал-'ушшах, с. 357.
- 98 А л - 'А й н и . 'Иқд ал-джуман, т. II, л. 429г.
- 99 Там же.
- 100 Там же.
- 101 Там же.
- 102 Там же.
- 103 А л - 'А й н и . 'Иқд ал-джуман, т. II, л. 428 в.
- 104 Gawzi. Muntazam. MS Gotha. 1553. л.45-46.
- 105 А л - 'А й н и . 'Иқд ал-джуман, т. II, л. 429г.
- 106 Аг., с. 36.
- 107 Т. Х у с а й н . Хад. ал-арб., с. 231.
- 108 А л - 'А й н и . 'Иқд ал-джуман, т. II, л. 429 г
- 109 Книга тысячи и одной ночи. М.-Л. Т. I, 1958, с. 16, 183, 269; т. II, 1958, с. 17, 23; т. У, 1959, с. 425; т. II, с. 364-365.
- 110 Там же, т. III, 1959, с. 329-332.